

ОЧЕРК «КАВКАЗЕЦ» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Юхнова И.С.¹

¹ ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия (603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), e-mail: yuhnova1@mail.ru

Предложена новая трактовка очерка М.Ю. Лермонтова «Кавказец». Произведение рассмотрено в контексте позднего творчества поэта, что позволило раскрыть тип экзистенциального героя, который сформировался в условиях культурного пограничья и военного противостояния. Приведены аргументы, доказывающие, что очерк не является комментарием к «Герою нашего времени», а представляет собой самостоятельное произведение. Выявлены черты сходства и отличия между «кавказцем» и Максимом Максимычем, прослежена эволюция его мировосприятия. Показано, что Лермонтов воспринимает войну не только как конфликт, острое противостояние наций, но и как взаимодействие народов, которое можно определить как межкультурный диалог. Охарактеризованы художественные особенности очерка, выявлена его типологическая близость с жанром физиологического очерка, вместе с тем отмечены специфические лермонтовские художественные приемы.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, «Кавказец», очерк, межкультурный диалог.

ESSAY "THE CAUCASIAN" IN THE CONTEXT OF CREATIVITY M.Y. LERMONTOV

Yukhnova I.S.¹

¹ N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia (603950, Nizhny Novgorod, Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), 23), e-mail: yuhnova1@mail.ru

Offered a new handling of Lermontov's essay "The Caucasian". The work is seen in context of poet's late art, that helped to reveal the type of existential hero, which formed under the conditions of cultural bordering and war confrontation. Shown arguments, proving, that the essay is not a commentary for "The Hero of our time", but an independent work. Revealed the features of similarities and differences between "the caucasian" and Maksim Maksimych, traced the evolution of his worldview. Shown, that Lermontov perceives the war not only as a conflict but also as a cooperation of folks, which can determine as an intercultural communication. Characterized artistic features of the essay, revealed its typological proximity with a genre of physiological essay, with that marked lermontov's specific art reception.

Keywords: M.Y. Lermontov, "The caucasian," essay, intercultural dialogue.

Лермонтовский очерк «Кавказец» пришел к читателю сравнительно недавно – в 1928-1929 гг., когда его обнаружил и опубликовал Н.О. Лернер. Долгое время он воспринимался как комментарий к «Герою нашего времени». Именно так рассматривали произведение И.Л. Андроников, С.Н. Дурьлин, В.А. Мануйлов. И.Л. Андроников даже высказал мысль, что Лермонтов в «Кавказце» «восполняет недосказанное в «Герое нашего времени» [1, с. 512]. Новый и интересный поворот в изучении «Кавказца» осуществила Э.Г. Герштейн [2]. Она рассмотрела художественные особенности очерка – вскрыла в нем иронический пласт, обнаружила элементы автопародии. Ее анализ показал, что очерк «Кавказец» имеет самостоятельное значение и не является иллюстрацией к роману. Безусловно, он связан с «Героем нашего времени», но не как комментарий, а как иронический вариант интерпретации образа, типологически близкого Максиму Максимычу, то есть того типа русского воина, служба которого проходила на Кавказе. Для Лермонтова такая парность характерна. Самым известным и очевидным дублетом являются «Демон» и «Сказка для

детей». С.И. Кормилов указывает, что подобное соотношение существует между поэмами «Песня про купца Калашникова» и «Тамбовская казначейша». В «Казначейше» травестируется сюжет, который в «Песне...» получил трагическое воплощение [5, с. 103-106]. А вот с образом «кавказца» у Лермонтова все обстоит сложнее. Дело в том, что гораздо более глубоко этот очерк связан не с романом, а со стихотворениями «Спор» (датируют апрелем 1841 года), «Валерик» (лето 1840 года) и «Завещание» (1840 год). Он и создается примерно в то же время, что и стихотворения. Именно в этом контексте упоминает очерк «Кавказец» и В.А. Кошелев в книге «М.Ю. Лермонтов: историческая мифология». Он выявляет четыре «психологические вариации» типа «кавказца» в творчестве Лермонтова: «героическую (Максим Максимыч), ироническую (герой очерка «Кавказец»), лирическую («Завещание»), философскую («Валерик»)» [6, с. 271]. Таким образом, тип «кавказца» в позднем творчестве поэта не просто «множился» – Лермонтов искал и находил разные формы его репрезентации. В лирическом произведении воссоздавался строй мыслей и чувств «кавказца», обозначалась его картина мира, аксиология, а в высказывании особо значимым было не столько то, что говорит герой, сколько то, о чем он умалчивает. То есть получала выражение та грань образа, которая в «Герое нашего времени» оказалась на периферии изображения. Там Максим Максимыч говорил не о себе, а о Печорине. Он выступал рассказчиком «историйки», которую из него стремился «вытянуть» попутчик. И внимание собеседника было направлено не на внутренний мир штабс-капитана, а на постижение личности Печорина. Максим Максимыч, конечно, тоже становился объектом изображения. Можно сказать, что рисуя портрет современного человека, автор давал свое понимание не только личности Печорина, но и того, о ком впоследствии напишет очерк «Кавказец». Стихотворения появились уже после того, как роман увидел свет. Лирические монологи безымянных офицеров, по сути, выполняли функцию, которая в романе была реализована введением «дневника» Печорина, – в нем внутренний мир героя, имеющего схожую судьбу с Максимом Максимычем, получал прямое, а не опосредованное выражение.

Жанр «Кавказца» традиционно определяют как физиологический очерк, который является своего рода «зарисовкой с натуры». Вспомним, что «Кавказец» создавался для публикации в иллюстрированном сборнике А.П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими» (изд. А.Я. Исакова, СПб., 1841-[1842])¹.

Очерк всегда претендует на достоверность и фактографичность, а физиологический очерк «строится не просто на точном («даггеротипном») воспроизведении фактов» [3, с. 157], что позволяет современным исследователям рассматривать его как предтечу социологического исследования, но «имеет четкие структурные черты» [3, с. 158]. Среди них – «тенденция к типизации изображаемого явления, стремление создать образы-типы» [3, с.

158]. В «Кавказце» Лермонтов следует этому принципу. Уже первая фраза: *«Во-первых, что именно такое кавказец и какие бывают кавказцы?»* – ориентирует читателя на выявление массовидного, на создание коллективного «портрета». Объектом препарирования становится не личность, а некое множество, и ответ на вопрос – «Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское» – стилистически представляет собой начало научного определения. По сути, этой фразой задается возможная стратегия рассказывания, которая в итоге не реализуется – наукообразность вытесняется иронией, а рассказчик не просто излагает некую сумму знаний, но вступает в диалог с читателем. Так в очерке актуализируется проблема повествователя. Его задача – увлечь читателя своим героем, а потому он заинтриговывает, обещая ему рассказы о «предивных казусах», которые случались с «кавказцем». Повествователь – представитель определенной части социума, и, на первый взгляд, его система ценностей, мировосприятие те же, что и у возможного читателя. Иронический модус повествования как раз и проистекает из этой общности. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле ирония вуалирует его истинное отношение к предмету очерка, которое можно определить как «эстетическая симпатия» (вслед за Т.С. Миловановой). Игнорирование этого ведет к тому, что возникают парадоксальные и обескураживающие трактовки образа. Так, Ю. Голубицкий в интересной статье, к сожалению, не лишенной фактических неточностей, справедливо указывает на родство двух героев – лермонтовского «кавказца» и толстовского Тушина (которого он ошибочно именуется «Трушиным»). Однако для него «кавказец» – антипод героя Толстого, «скромного до застенчивости работника огромной войны» [3, с. 159]. Его оценка: «...лермонтовский «кавказец» не просто пронырлив, склонен к позерству, но и готов ради выгоды преступить сам нравственный закон» [3, с. 159] – приходит в противоречие с тем, что прочитывается в очерке. А в нем речь идет о душевной отзывчивости и открытости, способности к установлению человеческих контактов. «Кавказец» – человек, сердце которого не ожесточила война.

В очерке Лермонтов не просто представил тип русского офицера, сформированного кавказской войной. Он проследил его судьбу, обозначил основные вехи его биографии. И это была жизнь человека, большую часть своей жизни проведшего, во-первых, в условиях войны и, во-вторых, в условиях чужой культуры. Этот тип, сформированный пограничьем, Г.В. Москвин называет экзистенциальным [7]. И в том, каким прорисовывался жизненный путь «кавказца», многое, действительно, казалось «уточнением» к образу Максима Максимыча, но были и принципиальные отличия.

Прежде всего, сознание «кавказца» очерка литературоцентрично, в то время как Максим Максимыч подчеркнуто существует вне литературы. О литературных пристрастиях

эпохи он знает только понаслышке, а потому интересуется: «А всё, чай, французы ввели моду скучать?».

Изначальный интерес героя очерка к Кавказу спровоцирован чтением «Кавказского пленника» Пушкина. Другое его литературное увлечение – творчество Марлинского. Причем если пушкинская поэма сформировала представление о Кавказе как о романтическом крае сильных страстей, то реальная жизнь меняет литературные ориентиры – теперь актуален опыт Марлинского (как замечает Лермонтов, он «на свободе читает Марлинского и говорит, что очень хорошо»).

Судьба «кавказца», как уже было сказано выше, прослеживается в динамике, и Лермонтов рассказывает о ней, соотнося два момента – то, как меняется отношение героя очерка к военным походам («экспедициям») и как в связи с этим меняется его эмоциональный настрой, его отношение к жизни. Так перед нами последовательно проходят основные вехи биографии «кавказца»: юность – зрелость – «ожидание «пенсии». До первой экспедиции – это юношеский азарт («*Все прекрасно! Сколько поэзии!*»), участие в экспедициях рождает другое чувство – «*Скучно! <...>Все одно и то же...*». Постепенно другой становится и «храбрость»: если «*наш юноша кидался всюду, где только пролетала пуля...*», то опыт остужает этот пыл. Как фиксирует автор очерка, «кавказец» «*становится холодно-храбр и смеется над новичками, которые подставляют свой лоб без нужды*». И, наконец, итог – «*грудь его увешана крестами, а чины нейдут. Он стал мрачен и молчалив*», «*в экспедиции он больше не напрашивается: старая рана болит*».

И здесь намечается еще одно отличие между двумя «кавказцами». Максим Максимыч, опытный воин, не становится «холодно-храб». Или же, что вероятнее всего, глубинное (неизбежное волнение перед сражением и во время боя) ускользает от автора очерка. Вспомним, как Максим Максимыч говорит странствующему офицеру:

- *Да-с, и к свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать **невольное биение сердца*** [здесь и далее выделено мной – И.Ю.].

- *Я слышал напротив, что для иных старых воинов эта музыка даже приятна.*

- *Разумеется, если хотите, оно и приятно; только все же потому, что **сердце бьется сильнее**.*

Таким образом, жизнь «кавказца», если ее рассматривать в эволюции, – это еще один из вариантов общего закона, когда «холодный» опыт охлаждает юношеский пыл, а жизненный итог не соответствует юношеским ожиданиям. Эволюция мировосприятия «кавказца» как бы иллюстрирует тот общий закон, который был выражен Пушкиным в стихотворении «Телега жизни».

Лермонтов выделяет три типа кавказцев – «настоящих», «грузинских» и «статских». Как пишут все, кто когда-либо обращался к очерку, формирование типа «настоящего» кавказца он связывает с эпохой А.П. Ермолова. Это «скромный труженик войны» [1, с. 512], «чернорабочий войны» [4, с. 97-101], армейский офицер, испытывавший все тяготы походной жизни. Однако в такой трактовке есть некоторая неточность. Настоящим «кавказцем» Лермонтов называет не просто того, кто служил «на Линии», то есть при А.П. Ермолове. Это важное условие, но не единственное. Главное – это формирование особого мировоззрения, которое возникает в контакте с чужой культурой, это восприятие чужой ментальности, когда понимается сам строй мысли, а не просто осваивается язык. Основа для этого – установление человеческих, межличностных контактов, каковым и является дружба с мирным черкесом. Через общение с человеком из народа, который пытаются завоевать, возникает вовлеченность в чужую историю, фольклор, традиции. Как пишет Лермонтов, *«не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств»*. И как следствие – смена коммуникативных предпочтений: *«он легонько маракует по-татарски», «готов целый день толковать с грязным узденем о дрянной лошади и ржавой винтовке и очень любит посвящать других в таинства азиатских обычаев»*.

Как очень точно формулирует В.А. Кошелев, «кавказец» ... в восприятии Лермонтова – это не столько данность биографии, сколько выражение жизненной «страсти» [6, с. 220], «человек, не утративший христианской ментальности и морали, приобщается и к чужой, казалось бы, несовместимой с нею, морали и выделяет ее в качестве жизнеспособной и органичной в том краю, где он оказался» [6, с. 220-221].

Таким образом, война в этом очерке предстает не только как сражения, победы и поражения. Это еще и мощное взаимодействие разных культур. В очерке проступала мысль о том, что война – это сложный взаимонаправленный процесс. Как правило, писатели, изображая войну, сосредотачивались на идее противостояния, показывали, как одна культура уничтожается другой, как коренным народам навязываются вера, традиции, бытовые правила [9]. Однако Лермонтов увидел иные процессы: завоеывая территорию, более сильный противник не столько меняет уклад жизни поработанных народов, сколько меняется сам, а военный конфликт постепенно приобретает черты межкультурного диалога.

Но есть один примечательный момент. Лермонтов, как уже было сказано, выделяет три типа кавказцев, однако подробно описывает только один – «настоящих» кавказцев, очень коротко характеризуя «статских» и «грузинских». Описывая тип, он кодифицирует и само слово в русском языке. Однако в значении «русский офицер, участник войны на Кавказе» это

слово в нашем сознании не закрепилось². «Кавказец» в современном языке – уроженец Кавказа, принадлежащий к одному из его коренных народов.

У Лермонтова же это слово двуликое. С одной стороны, оно выступает как самообозначение – так называли себя участники войны на Кавказе. Но в устах человека из иной – невоенной – среды, не имеющего подобного опыта, оно как раз и подчеркивает включенность «кавказца» в чужую традицию. «Кавказец» для того, кто его так называет уже в России, другой, иной, чужой, несмотря на общую национальную принадлежность. Примечательно, что в XX веке солдат и офицеров, прошедших Афганистан, стали называть афганцами.

Таким образом, в очерке «Кавказец» Лермонтов дал новое понимание войны и проблемы «человек не войне», а также проследил формирование пограничного, экзистенциального типа личности.

Примечания

1. В 1986 году было осуществлено его факсимильное воспроизведение.

2. Л. Чакветадзе, выявляя, какие трансформации испытало это слово в художественном сознании русских и грузинских авторов, вообще не фиксирует лермонтовского значения, как не упоминает и о самом очерке [8].

Список литературы

1. Андроников И.Л. Лермонтов и Ермолов // Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. – М.: АСТ, 2014. – С. 512-528.
2. Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 202-209.
3. Голубицкий Ю. Русский бытописательный и физиологический очерк // Наука – культура – общество. – 2008. – № 3. – С. 155 – 161.
4. Дурьлин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. – М.: Мультиритура, 2006. – 296 с.
5. Кормилов С.И. Поэзия М.Ю. Лермонтова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 128 с.
6. Кошелев В.А. М.Ю. Лермонтов: историческая мифология. Исследования и материалы. – Великий Новгород – Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2014. – 684 с.
7. Москвин Г.В. Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». – М.: МАКС Пресс, 2007. – 204 с.
8. Чакветадзе Л. Концепт «кавказец» в произведениях А. Казбеги «Отцеубийца» и Л. Толстого «Хаджи-Мурат» // Уральский филологический вестник: Драфт: молодая наука. – 2012. – № 4. – С. 238-251.

9. Шульженко В.И. Дискурсионная классификация «кавказского текста» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 4. – С. 181-184.

Рецензенты:

Осьмухина О.Ю., д.фил.н., профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск;

Сухих О.С., д.фил.н., доцент, доцент кафедры русской литературы ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород.